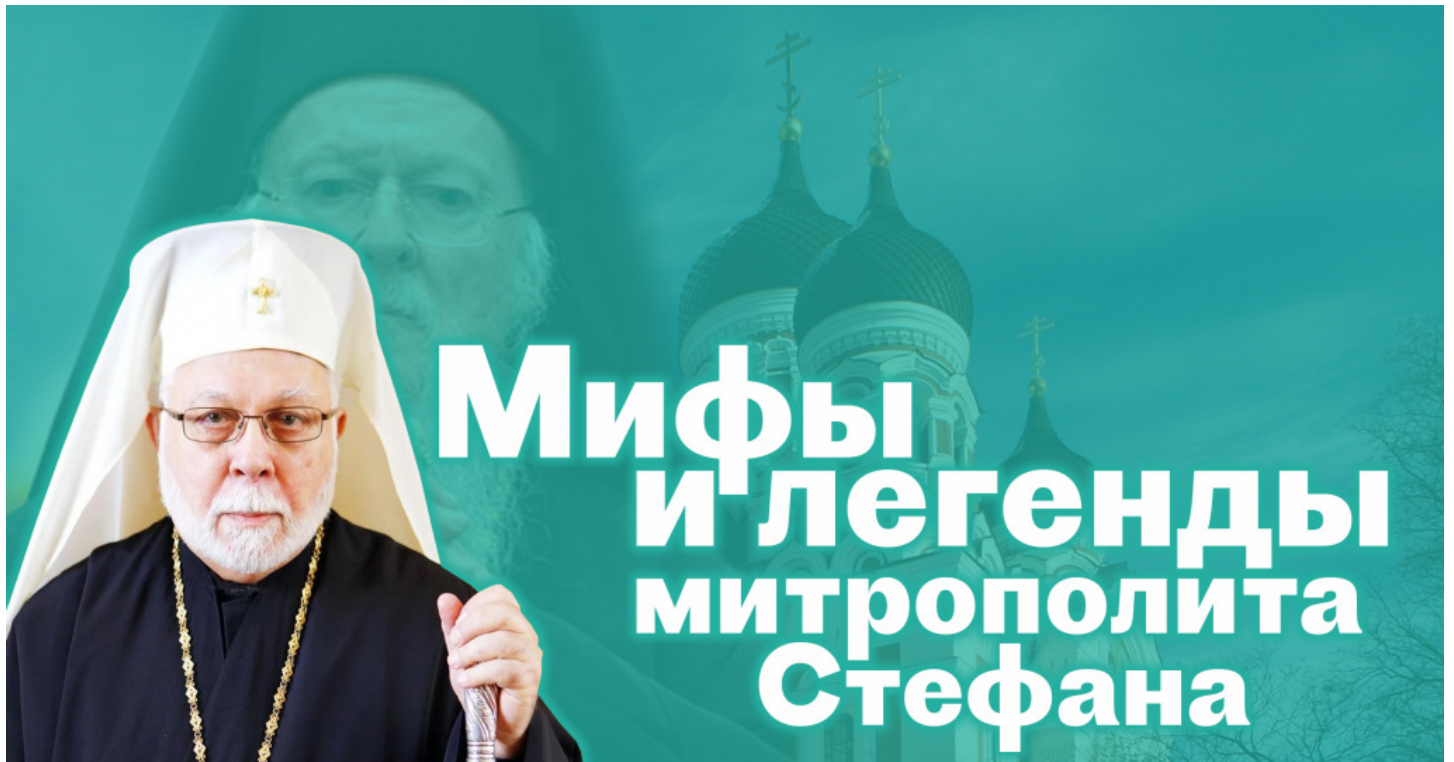

Мифы и легенды митрополита Стефана

Протоиерей Игорь Прекуп, клирик Эстонской православной церкви Московского Патриархата

Митрополит Эстонский Стефан рассказал греческому каналу "4E" об исповедническом пути Эстонской Церкви и Эстонии:

"История мученичества у нас здесь в Эстонии насчитывает восемь веков. Но не все века были похожими друг на друга. До XII века у нас были захватчики-датчане, затем на два века пришли немецкие крестоносцы, после этого на два столетия пришли шведы, и, наконец, на два века русские. Наша история XX-XXI вв. – в значительной степени история мученичества, поскольку Церковь была сильной. На полтора миллиона населения приходилось двести тысяч православных верующих. И в 1945-м году коммунистический строй, который прибрал к рукам Эстонию, закрыл нашу Церковь, ликвидировал ее, антиканонически поставил митрополита из России, и так начались гонения. Первые гонения начались в 1920 году, когда в городе Тарту принял мученическую кончину священномученик епископ Платон, первый наш епископ-эстонец, вместе с другими двумя священниками...".

С владыкой Стефаном нельзя не согласиться в том, что история мученичества на эстонской земле насчитывает уже восемь веков. Но стоило бы уточнить, что не общехристианского, а именно православного мученичества.

Народ Эстонии – безусловно, страдалец, неоднократно оказывавшийся на грани вымирания то из-за чумы, то из-за того, что его земля была полем битвы в Ливонскую, затем в Северную войну, но, если говорить о мученичестве, то общехристианское мученичество и исповедничество начинается здесь в недолгий период красного террора конца 1918 – начала 1919 гг., затем разворачивается в 1940 г., когда происходит то, что среди простого народа принято называть «советской оккупацией», а разные политики, борющиеся за терминологическую точность, называют, кто «инкорпорацией», кто «присоединением». Но как бы кто ни называл то, вследствие чего советское большевистское богоборчество распространилось на Эстонию, факт есть факт: именно тогда здесь начинается масштабное общехристианское исповедничество и происходят отдельные акты мученичества.

А до этого можно говорить лишь о православном не только исповедничестве, но и мученичестве. Вот этому историческому явлению, в самом деле, восемь веков – с тех самых пор, как за христианское просвещение нашего края в XIII веке взялись крестоносцы, насильственно прервавшие распространение православной традиции. А ведь до их нашествия проповедь христианства здесь шла мирно, одновременно с Запада и Востока. Причем именно русские миссионеры оставили неизгладимый след в эстонском языке. Это касается, в частности, слов, именующих основные средства проповеди: rist – крест и raamat – книга (от славянского слова «грамота»). Эстонский глагол ristima – крестить тем самым, что происходит от слова rist, указывает на укорененность в сознании средневековых эстов просвещения с Востока, потому что именно в русском языке таинство рождения в жизнь вечную обозначается словом, устанавливающим связь как с Крестом Христовым, так и с крестом, который каждый христианин несет по жизни. Для сравнения: во многих европейских языках это таинство обозначается словами, происходящими от древнегреческого βαπτίζω (ваптизо) – буквально: погружаю, а немецкое taufen – крестить происходит от tauchen – нырять, опускать в воду.

В Тарту (основанный в 1030 г. кн. Ярославом Мудрым город Юрьев) православие сохранялось до 1472 года, когда были замучены приходской пастырь святой Исидор Юрьевский с 72 прихожанами. Бежавший оттуда в Псков священник Иоанн Шестник (в монашестве – прп. Иона) основал Псково-Печерский монастырь, преподобный игумен которого Корнилий проповедовал Православие не только эстонцам, жившим в окрестностях монастыря, но доходил до Нарвы, основал приходы в Нейгаузене (ныне – Вастселийна) и в других местах.

Священномученик
Исидор пресвитер

Преподобный
Иона Псково-Печерский

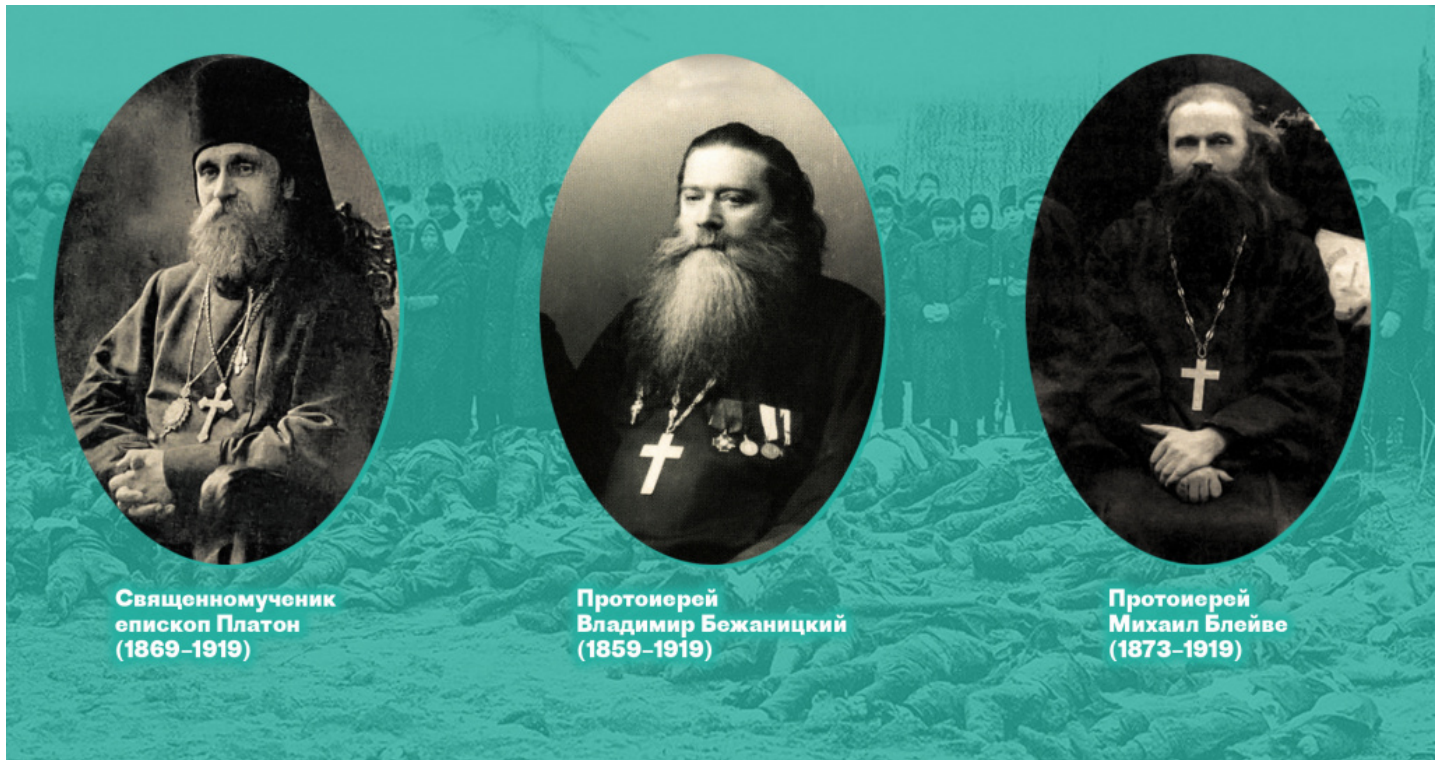

Памятник
преподобномученику
Корнилию, игумену
Псково-Печерскому

Православное исповедничество здесь возобновилось, начиная с 1841 г., когда началось спонтанное (вопреки, кстати, местному «особому порядку» и ориентировавшейся на него государственной имперской политике в Остзейском крае) движение обращения латышских и эстонских крестьян из лютеранства в православие. Гонения, которые развернуло против них остзейское немецкое дворянство, были чрезвычайно жестоки.

Однако митр. Стефану почему-то не захотелось обратить внимание на местное православное исповедничество и мученичество во время гонений со стороны инославных. Конечно, такое «политкорректное обхождение углов» со стороны владыки Стефана можно понять, но одобрить – вряд ли.

Упомянув гонения начала прошлого века, митр. Стефан справедливо фокусирует наше внимание на первом православном епископе-эстонце – сщмч. Платоне (Кульбуше). Однако считаю важным отметить, что, во-первых, гонения на веру происходили не в 1920-х гг. (впрочем, если владыка Стефан имеет в виду выдворение властями Эстонии летом 1920 г. ряда православных священников в Советскую Россию, то я готов согласиться...), во-вторых, владыка Платон, в хронологическом отношении все же не является первым среди эстонских новомучеников. Он был убит 14 января 1919 г., год спустя после своей архиерейской хиротонии, состоявшейся 31.12.1917 г. (13.01.1918 г. по новому стилю). Вместе с ним красные комиссары Кульль, Оттер и Рятсепп расстреляли протоиереев Николая Бежаницкого и Михаила Блейве. Однако несколько раньше от большевиков пострадали сщмч. Сергей Флоринский (30.12.1918), затем сщмч. Александр Волков и Дмитрий Чистосердов (08.01.1919).

Не могу отделаться от подозрения, что владыка Стефан под «эстонскими новомучениками» понимает, скажем так, «новомучеников эстонской национальности», фокусируя свое внимание на них намеренно. Может быть символичность принятия мученических венцов русским (отцом Николаем) вместе с эстонцами (владыкой Платоном и отцом Михаилом) плохо вписывается в его историческую картину? И уж совсем неудобно ему обращать внимание на этот факт потому, что в указанный исторический период эстонское православие было едино в каноническом отношении, находясь под омофором священноисповедника Патриарха Московского и Всероссийского Тихона?

**Протоиерей
Сергий Флоринский
(1873–1918)**

**Иерей
Александр Волков
(1873–1919)**

**Протоиерей
Димитрий Чистосердов
(1861–1919)**

А вот нам представляется не лишним подчеркнуть, что все новомученики Эстонской Церкви: и эстонцы – владыка Платон (Кульбуш), отцы Михаил Блейве и Иоанн Петтай, и русские – отцы Николай Бежаницкий, Сергей Флоринский, Александр Волков и Димитрий Чистосердов – все были едины между собой в исповедании верности не только Богу и Его Церкви, но и, в частности, Русской Православной Церкви-Матери. Кровь новомучеников эстонских – семя единства эстонского православия. Попытки разрушить это единство – не что иное, как попрание их памяти.

Владыка Стефан говорит, что «в 1945-м году коммунистический строй, который прибрал к рукам Эстонию, закрыл нашу Церковь, ликвидировал ее, антиканонически поставил митрополита из России, и так начались гонения». В этих словах много путаницы. Начнем с того, что коммунистический строй «прибрал к рукам Эстонию» еще в 1940 году. Последним днем независимости Эстонской Республики межвоенного периода официально считается 16 июня 1940 года. Репрессии, коснувшиеся в первую очередь белоэмигрантов и членов организаций, признанных политически враждебными (в категорию которых попало даже Русское студенческое христианское движение), начались незамедлительно (аресты с последующими заключениями в лагеря или расстрелами), а в 1941 г. было выслано свыше 9000 человек. Для маленькой Эстонии даже это колоссально много, а ведь вскоре в 1944 г. из страны на запад эмигрировало еще 70–80 тыс. человек, затем после войны, в марте 1949 г., в рамках операции «Прибой» в противоположном направлении было депортировано 20723 человека.

Почти через год после установления советской власти на территории Эстонии, 30.03.1941 г., состоялось каноническое воссоединение Эстонской Апостольско-Православной Церкви (ЭАПЦ),

состоявшей из Таллинской и Нарвской епархий, с Матерью-Церковью. Воссоединение ЭАПЦ с РПЦ состоялось после предварительного согласования этого шага с приходами и повторного обращения главы ЭАПЦ митрополита Александра (Паулуса) к Местоблюстителю Патриаршего престола митрополиту Сергию (Страгородскому) с просьбой «покрыть любовью невольный грех отпадения». И, что немаловажно, осуществилось это воссоединение через покаяние в грехе раскола, совершенном в 1923 г., когда митр. Александр, в надежде получить автокефалию, перевел Эстонскую Православную Церковь в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, даже не попытавшись получить на то благословения священноисповедника Патриарха Тихона Московского, на верность которому и всей иерархии Русской церкви он присягал тремя годами ранее.

С началом немецко-фашистской оккупации, митр. Александр, опираясь на нацистскую власть, вновь попытался оторгнуть ЭАПЦ от Московского Патриархата, однако, теперь ему это удалось только с Таллинской епархией, а Нарвская, возглавляемая архиеп. Павлом (Дмитровским), осталась в каноническом единстве с Церковью-исповедницей.

По какой-то причине владыке Стефану неудобно вспоминать эти подробности историко-канонического бытия эстонского православия, и он предпочитает фокусировать внимание на 1945 годе.

Все-таки почему 1945 г., если советская власть вернулась сюда в сентябре 1944 г.? Вероятно, потому, что в 1945 г. состоялось каноническое воссоединение с Матерью-Церковью Таллинской

епархии, отпавшей во время немецкой оккупации. Непосредственно после чего был завершен начавшийся в 1941 г. процесс преобразования ЭАПЦ, состоявшей из двух епархий, в единую Эстонскую епархию с кафедрой в Таллине.

Подчеркиваю: в 1945 г. состоялась не ликвидация автономной ЭАПЦ на территории Эстонии, как это утверждает владыка Стефан, а ее преобразование.

Преобразование в рядовую епархию, именно ради ее выживания в «предлагаемых обстоятельствах». Да, на долгие годы был утрачен автономный статус; да, изменилось название; да изменилась структура (одна епархия на месте двух) – но это все делалось для того, чтобы местная Церковь, первичной формой которой является епархия, непрерывно продолжала свою деятельность.

Поэтому утверждение, что коммунистический строй «закрыв нашу Церковь, ликвидировал ее, антиканонически поставил митрополита из России, и так начались гонения» – ложь от начала до конца, потому что и закрытия с ликвидацией не было, и гонения, как мы уже отмечали, начались непосредственно после установления советской власти еще в 1940 г., а после войны всего лишь продолжились.

Отдельно считаю нужным обратить внимание на утверждение, что коммунистический строй «антиканонически поставил митрополита из России».

Отождествление Св. Синода Русской Православной Церкви с «рукой коммунистического строя» оставим на совести митр. Стефана. Уточним только, что Св. Синод РПЦ поставил не митрополита, а архиепископа, и не из России, а из Эстонии, и не кого-нибудь, а воистину доброго пастыря – владыку Павла (Дмитровского), до того возглавлявшего ликвидированную в преобразовательном процессе Нарвскую епархию.

**Архиепископ
Павел (Дмитровский)
(1872–1946)**

**Патриарх
Варфоломей**

**Митрополит
Стефан
(Хараламбидис)**

**Митрополит
Корнилий
(Якобс)
(1924–2018)**

Но почему же митр. Стефан в своем интервью не пояснил, в чем состояла «антиканоничность» поставления архиеп. Павла на Таллинскую кафедру? Уж не то ли имеет в виду поставленный из Турции митрополит, что, согласно 16 правилу Двукратного Константинопольского Собора, нельзя при живом архиерее на его кафедру назначать другого, а митр. Александр, бежавший в 1944 г. за границу с примерно 22 священнослужителями (количество не точное), был на тот момент еще жив? А еще интересно, не обличила ли владыку Стефана в этот момент совесть? Ведь некто иной, как именно он, митр. Стефан (Хараламбидис), в 1999 году был поставлен Патриархом Варфоломеем на кафедру митрополита Таллинского и всея Эстонии, когда она была занята потомственным гражданином Эстонии митрополитом Корнилием (Якобсом), здравствовавшим на тот момент и проживавшим отнюдь не где-нибудь в эмиграции, но в Таллине.

Что же касается якобы занятости в 1945 году Таллинской кафедры митрополитом Александром (Паулусом), то на самом деле канонически она была вакантна еще с 05.11.1942 г., когда указом Патриаршего Экзарха Прибалтики митр. Сергия (Воскресенского), а по сути решением архиерейского совещания Прибалтийского Экзархата (поскольку под указом подписались Митавский, Нарвский и Ковенский архиереи), митр. Александр за рецидив раскола был запрещен в священнослужении и уволен от управления Таллинской епархией (так, что условие 16 правила, требующее не смещать архиерея с кафедры прежде законного исследования его вины, было соблюдено).

Митрополит Сергей (Воскресенский) (1897–1944)

А его бегство с кафедры в 1944 г. и отсутствие какой-либо переписки с паствой, оставшейся в Эстонии (что свидетельствовало бы о том, что он ее по-прежнему рассматривает, как свою), лишь закрепляли вдовый статус епархии, согласно все тому же правилу, гласящему: «Если же кто из епископов, пребывая в своем достоинстве, и не хочет отречься, и не желает пасти народ свой, но, удалившись из своей епархии, более шести месяцев остается в другом месте, не быв удерживаем ни царским повелением, ни исполнением поручений своего Патриарха, не будучи одержим тяжелой болезнью, делающей его совершенно недвижимым, таковой <...> да будет совершенно чужд

епископской чести и достоинства <...> и на его епархию возвести другого, вместо него». Что и было сделано.

Однако вот, что еще смущает в рассматриваемом фрагменте. Митр. Стефан, вроде бы, говоря о мученичестве, скорбит и об исповедническом пути эстонского православия, обо всех мучениках и исповедниках православия на эстонской земле. И обоснованно скорбит.

Но меня почему-то не покидает чувство, что в этой скорби владыка Стефан превзошел тех, кого Господь Иисус Христос обличает за строительство и украшение гробниц пророков. Там-то хотя бы речь шла о пророках, которых избили предки тех, кто якобы чтит память пророков, тогда как митр. Стефан, практически без отрыва от абстрактного почитания памяти исповедников на словах, четверть с лишним века подряд косвенно очернял конкретного исповедника XX века митр. Корнилия (Якобса), отбывшего срок в мордовском лагере, и всю его паству. Мы ведь для митр. Стефана марионеточная структура, возникшая в Эстонии во время оккупации и благодаря ей, и остающаяся инструментом «имперских амбиций России». Изображая нас в таком виде, он всегда проявлял последовательность, достойную лучшего применения.

Как-то легко у него сочетаются дифирамбы в адрес исповедников с их дискредитацией, как коллаборационистов. Ведь именно это происходит, когда он поддерживает миф, согласно которому Московский Патриархат предстает этаким монстром, который в 1945 году проглотил ЭАПЦ, «верный остаток» которой будто бы сохранился в изгнании, откуда он якобы и вернулся на свое место в 1993 году (когда, в нарушение канонов и государственных законов нашим государством была зарегистрирована раскольническая структура с правлением, находившимся на тот момент в Стокгольме).

Те, кто испытал на себе все тяготы гонений, ведомые и неведомые исповедники (которых владыка Стефан чтит на словах) оказались, согласно этому мифу, вовсе никакими не исповедниками, а «понаехавшими оккупантами», которым, впрочем, после регистрации раскольников оказали милость: предоставили тогда возможность получить все права при условии маленького предательства...

Пюхтицкий Успенский монастырь

Надо было всего лишь согласиться с их мифом и признать, что Эстонская Православная Церковь в составе Московского Патриархата, позиционирующая себя, как не прекращавшая своей деятельности ЭАПЦ (успевшая к тому времени на, состоявшемся 29.04.1993 г., Пюхтицком Соборе восстановить свой автономный статус и историческое название), оказывается, вовсе не та самая ЭАПЦ, преобразованная временно в Эстонскую епархию, но креатура советских спецслужб. Это признание автоматически вытекало бы из обоих, предложенных нам вариантов регистрации: или присоединиться к уже зарегистрированной раскольнической (якобы законной) религиозной

организации, признанной государством правопреемной по отношению к ЭАПЦ, или, если уж так дорога Мать-Церковь, регистрироваться как структура новообразованная (этакий осколок советской оккупации), само собой, без права на возвращение некогда национализированного имущества...

Мы не приняли ни одного из этих вариантов самоговора и предательства. Спустя восемь лет глубокого поражения в правах, государство нашу Церковь все-таки зарегистрировало в 2002 г., как историческую, а не новообразованную структуру, но это уже, как говорится, «совсем другая история».

Если вернуться к рассматриваемому фрагменту из интервью Высокопреосвященного Стефана и, в частности, к его почитанию исповеднического пути эстонского православия, то возникает чувство недоумения: неужели он, в самом деле, не понимает, что те самые люди, которые благодаря политической афере, разыгранной нашими госчиновниками 1990-х в тандеме с Константинопольской Патриархией, оказались арендаторами своих же храмов – это и есть, собственно, исповедники и их преемники, сохранившие веру и храмы во время атеистических гонений советской эпохи?!.. Похоже, в качестве исповедников веры глава подструктуры Константинопольского Патриархата в Эстонии рассматривает лишь тех, кто мыслил себя исключительно вне Московского Патриархата, а если и состоял в «оккупационной» структуре, то при первой возможности разрывал с ней отношения, ни во что, вменяя обещания и присягу перед Крестом и Евангелием...

Источник: <https://mospat.ru/ru/authors-analytics/87087/>